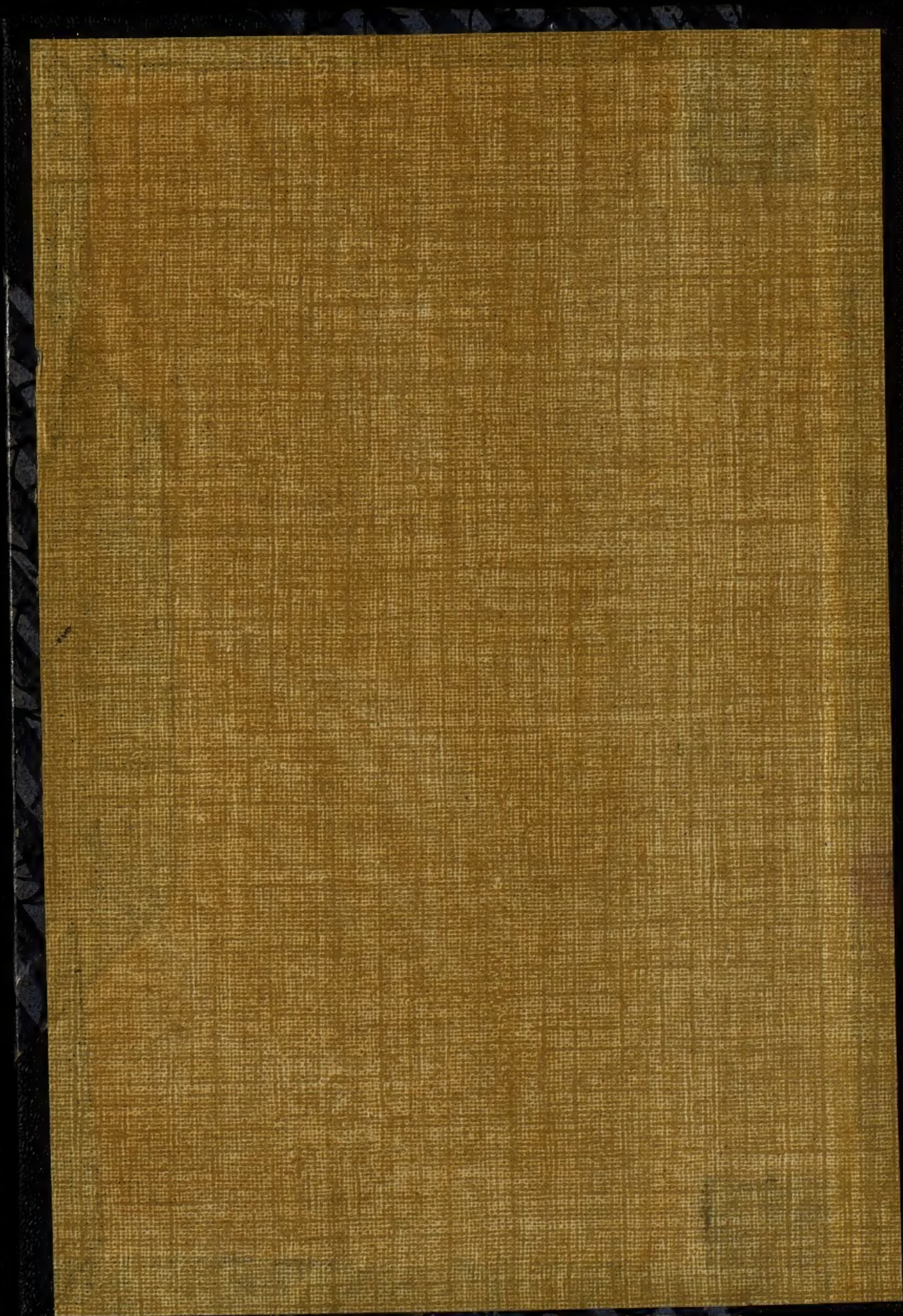
Бондарев-Субботин

Тактика Трудовой Группы

С. Бондаревъ

Роспускъ первой Государственной Думы

И. Субботинъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

I.

ТАКТИКА ТРУДОВОЙ ГРУППЫ.

II.

РОСПУСКЪ ДУМЫ.

Тактика Трудовой Группы.

Мы будемъ говорить не о программѣ Трудовой Группы, т. е. не о томъ, какіе проекты и законопроекты вырабатывала она; мы будемъ говорить о ея тактикѣ, т. е. о томъ, какъ дѣйствовала Трудовая Группа, и попытаемся выяснить, почему именно она дѣйствовала такъ, а не иначе. Всѣ партіи, бывшія въ Государственной Думѣ, различались—и иной разъ очень рѣзко—не только по своимъ программамъ, но и по способу своихъ дѣйствій, даже по способамъ выраженія своихъ чувствъ и своихъ мыслей.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните одно изъ засѣданій Думы совмѣстно съ министрами,—и вы сейчасъ ясно отличите Трудовую Группу отъ всѣхъ, правѣе нея сидящихъ, уже съ одной внѣшней стороны по ея движеніямъ и языку. Съ креселъ министерской ложи поднимались министры или ихъ товарищи и уполномоченные, чтобы идти на кафедру и говорить, напр., о томъ, сколько земли слѣдуетъ дать народу, а со скамей лѣвой стороны Думы шумно соскакивали депутаты и шумно оставляли залъ засѣданія. Поднимались или пытались подняться на кафедру министры и ихъ товарищи, чтобы говорить о смертной казни, о погромахъ, — а навстрѣчу имъ, слѣва, неслась буря криковъ негодованія. Отдѣльныя слова были рѣзки и жестки: „палачъ", „убійца", „погромщикъ", „въ отставку", „долой",—неизмѣнно неслось по направленію къ министрамъ. Не одинъ разъ Трудовая Группа въ особыхъ своихъ засѣданіяхъ постановляла прекратить эту бурю негодованія и смягчить жесткость словъ: но достаточно было появиться министру съ отвѣтомъ на запросъ о помощи голодающимъ или избіеніи депутата, какъ снова та же рѣзкость движеній, тотъ

же жесткій языкъ. Почему такъ? Очевидно, не изъ желанія бушевать. Отчего же?

Суровъ языкъ жизни; ужасна дѣйствительность жизни трудового народа, представителями котораго были члены Трудовой Группы. Сколько боли, страданій и негодованія накопилось въ душѣ этого народа, отданнаго во власть произвола и насилія! Его боль и гнѣвъ принесли его депутаты,—и передъ лицомъ тѣхъ, кто посылалъ въ страну это насиліе и произволъ, неудержимо закипало горячее чувство и неудержимо прорывалось въ шумныхъ движеніяхъ и рѣзкомъ языкѣ, который прямо называетъ вещи ихъ именами.

По количеству рѣчей, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ, и по объему своихъ рѣчей Трудовая Группа отличалась полной умѣренностью. Можетъ быть, временами она относилась нетерпимо къ обилію рѣчей ораторовъ другихъ партій: но членамъ ея казалось, что ясные вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, не нуждаются въ обиліи многорѣчивыхъ доводовъ для своего подтвержденія; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совершенно не слѣдовало говорить, какъ, напримѣръ, было рѣшено не вступать ни въ какія пренія по земельному вопросу съ представителями министерствъ, коимъ Дума уже выразила свое недовѣріе и кои съ этого момента являются для Думы людьми чуждыми, „посторонними“. Въ глубинѣ души можно было вѣрить, что вѣра святая движетъ горами,—да! но для сознанія было ясно, что никакія пламенныя рѣчи не смогутъ сдвинуть безотвѣтственнаго министерства съ его мѣста. Хотѣлось отъ рѣчей перейти къ болѣе живому дѣлу, къ болѣе плодотворнымъ результатамъ. Были не рѣдки минуты тяжелыхъ сомнѣній, тревоги и тоски отъ этой гранитной преграды, которая въ лицѣ бюрократіи стояла на пути народныхъ требованій. Гдѣ же выходъ? задавался вопросъ.

— „Мы должны, говорилъ одинъ изъ трудовиковъ, поставить себѣ твердо и ясно: а что же дальше? И если мы поставимъ этотъ вопросъ, то несомнѣнно очень и очень близка та минута, когда мы скажемъ, что народному представительству осталось одно только средство: сформулировать всѣ народныя требованія и предъявить

ихъ въ сильной, категорической формѣ существующему режиму и сказать: или мы, т. е. народное представительство, или этотъ разорившій страну старый режимъ!"

Одна особенность отмѣчала общее направленіе рѣчей Трудовой Группы: думской кафедрой пользовались, чтобы съ нея „черезъ головы депутатовъ" обращаться къ странѣ, говорить свободное слово народу. Каковы бы ни были по этому поводу нападки на трудовиковъ, поступать иначе они и не могли. Какъ и почему? Избранная не всеобщимъ голосованіемъ, Дума не была представительствомъ всего народа; самые выборы проходили при отсутствіи свободъ, не прямымъ голосованіемъ, но косвеннымъ, многостепеннымъ способомъ. Вслѣдствіе этого депутаты далеко не были извѣстны даже всѣмъ тѣмъ мѣстамъ и слоямъ населенія, которые принимали участіе въ выборахъ. Поэтому, вполнѣ было естественно стремленіе депутатовъ установить хотя бы при помощи думскаго слова духовную связь между собою и широкими кругами избирателей. Воля страны, интересы и нужды гражданъ были для Трудовой Группы тѣмъ высшимъ судомъ, передъ которымъ считали себя нравственно отвѣтственными члены ея. По одному фронту съ бюрократіей велась упорная борьба, а съ другой стороны чутко прислушивалась, что говоритъ страна, какъ отзывается она о дѣятельности своихъ депутатовъ.

„Народъ—твой высшій судъ!"

Въ исполненіи этого лозунга Трудовики видѣли общее направленіе всей своей работы.

Съ другой стороны, депутаты, вышедшіе изъ народа, знали непосредственно, въ какой темнотѣ держался и продолжалъ держаться народъ; какъ мѣстныя власти вырывали всякую свободу, преслѣдовали всякое свободное слово. Съ созывомъ Думы милліоны населенія продолжали жить при тѣхъ же условіяхъ произвола властей. Только сотня людей — депутатовъ вдругъ оказалась свободной и неприкосновенной. Эта сотня неприкосновенныхъ была сынами и братьями народа и они пользовались Думской кафедрой, чтобы свободное слово о правахъ, о землѣ, о насиліяхъ надъ народомъ, летѣло туда—въ глубь несвободной страны, будя уснувшихъ,

освѣщая тьму. Цѣль единенія депутата и народа достигалась и осуществлялась въ весьма различныхъ формахъ. Сами депутаты не ограничивались однимъ отдаленнымъ словеснымъ обращеніемъ къ странѣ, но предпринимали рядъ поѣздокъ, изъ которыхъ возвращались они ободренные, свѣжіе. Страна пробуждалась. Съ своей стороны она направляла письма, ходоковъ и уполномоченныхъ.

Черезъ уполномоченныхъ вручались членамъ Группы бережно, нерѣдко подъ росписку, приговоры и наказы, въ которыхъ много говорилось о землѣ и правахъ, и все сказанное закрѣплялось подписями грамотныхъ и приложеніемъ надлежащихъ печатей. А черезъ ходоковъ шло другое теченіе: трогательное, глубоко-наивное, полное тоски и вѣры. Все это были просьбы о защитѣ, объ освобожденіи, объ избавленіи. По нимъ составлялись запросы. Все это были отдѣльные случаи, каждый изъ которыхъ былъ полонъ трагедіи,—и всѣ вмѣстѣ объединенные одной общей трагедіей. Самая огромная трагедія—произволъ и насиліе, покрывшіе страну. Принеся съ собой боль и поруганіе страны, депутаты изъ народа изложили его въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ Думскихъ предложеній „объ образованіи комиссіи по разслѣдованію преступленій должностныхъ лицъ". Ближе всего стоя къ трудовому крестьянству, Трудовая Группа сильнѣе другихъ могла отзываться на всѣ событія, захватывавшія крестьянскую жизнь. Такимъ крупнымъ политическимъ явленіемъ въ этой области былъ Крестьянскій Союзъ,—и въ отвѣтъ на его разгромъ администраціей былъ сдѣланъ группой запросъ. Та же близость къ трудовому крестьянству, этотъ стонъ, который стоитъ по странѣ: „земли, земли!" продиктовалъ Трудовой Группѣ и ея аграрный законопроектъ, и то, что изъ всѣхъ прочихъ разрабатываемыхъ въ группѣ законопроектовъ онъ первымъ былъ разработанъ и уже внесенъ въ Думу, и наконецъ то своеобразное построеніе платформы Трудовой Группы, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояла амнистія, за ней аграрный вопросъ и уже за нимъ свободы, права и т. д. Страна пробуждалась,— и голосъ свой направляла къ тѣмъ, кто былъ ей ближе всего. Странное зрѣлище! Тамъ, внутри страны, какъ

будто прорвалась плотина; словно въ ней заходили хромые, заговорили нѣмые: казалось, вся боль и жизнь страны подъ безправіемъ сплетались въ одну груду, заговорили одними устами,—и во всю мощь своего голода и поруганія готовились встать громаднымъ страшнымъ призракомъ передъ... маленькой Думой. Двигаемые сзади голосомъ народа должны были итти впередъ его депутаты,—и бились они въ узенькихъ рамкахъ, отведенныхъ думской дѣятельности.

Широкіе слои населенія и до сихъ поръ не представляютъ въ ясныхъ и вполнѣ отчетливыхъ формахъ наличность всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыми обставлена законодательная дѣятельность Государственной Думы. Да,—въ сознаніи народа она не казалась таковой: ему казалась она могущей рѣшить и вязать; ему казалась она учрежденіемъ, которое принимаетъ и постановляетъ законы безъ всякихъ средостѣній. Это былъ взглядъ, который вырабатывала сама жизнь: но дѣйствительнымъ полномочіямъ Думы онъ все-таки не соотвѣтствовалъ. Передъ Думой стояло безотвѣтственное и все то же бюрократическое министерство; надъ Думой стоялъ Государственный Совѣтъ, изъ членовъ бюрократовъ по назначенію, изъ членовъ—представителей капитала и крупнаго землевладѣнія; а по странѣ разсыпанъ цѣлый рядъ генералъ-губернаторовъ, въ цѣлый рядъ дѣйствій которыхъ министерство, по его собственному признанію, не могло и вмѣшиваться. Можно было задохнуться въ этихъ узкихъ рамкахъ законодательной дѣятельности. Можно было, правда, попытаться раздвинуть эти рамки,—и Трудовая Группа вполнѣ сознательно произвела эту попытку въ вопросѣ объ отмѣнѣ смертной казни.

На 26 мая было предположено назначить обсужденіе законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, при чемъ Предсѣдатель Государственной Думы сообщилъ объ этомъ министрамъ юстиціи, военному и морскому. Товарищъ секретаря оглашаетъ полученные отъ министровъ отвѣты: министры выражаютъ желаніе отложить слушаніе Гос. Думой проекта закона объ отмѣнѣ смертной казни на мѣсячный срокъ, согласно ст. 56 учр. Гос. Думы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни представляется въ высшей степени

сложнымъ. Для самой Думы этотъ вопросъ былъ яснымъ, простымъ, но жгучимъ и требующимъ немедленнаго разсмотрѣнія. Но какъ быть со статьей 56-й? Ораторы Трудовой Группы настаивали на немедленномъ разсмотрѣніи законопроекта, не считаясь съ этой статьей; ораторы другихъ партій стояли на противоположной точкѣ зрѣнія. Трудовая Группа внесла въ Думу резолюцію, прочитанную депутатомъ Локтемъ; „Государственная Дума... признаетъ разсмотрѣніе внесеннаго ею законопроекта объ отмѣнѣ смерной казни неотложнымъ и приступаетъ къ его разсмотрѣнію немедленно.“

Со всей рѣшительностью, свойственной ему, Аладьинъ призывалъ къ этому Думу.

— „По крайней мѣрѣ, мы—кончилъ онъ—представители Трудовой Группы слишкомъ уважаемъ себя для того, чтобы согласиться на какую бы то ни было другую резолюцію“.

Наиболѣе многочисленная въ Думѣ партія к.-д. внесла иную резолюцію.

„Государственная Дума, признавая... что дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ, объясняемое неподготовленностью министровъ, въ то время, когда само правительство (?) уже приступило къ рѣшенію вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, является попраніемъ основныхъ нравственныхъ началъ и въ глазахъ страны будетъ не актомъ правосудія, а убійствомъ, требуя пріостановки смертныхъ приговоровъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.“

Государственная Дума приняла эту резолюцію; на цѣлый мѣсяцъ были отложены сужденія по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни,—и попытка Трудовой Группы хоть немножко раздвинуть узкія рамки законодательной дѣятельности Думы не увѣнчалась успѣхомъ.

По каждому законопроекту время затягивалось. Но самое страшное и мучительное было не въ этомъ: оно заключалось въ томъ, что передъ Думой стояла гранитная преграда бюрократическихъ учрежденій, и было ясно, что никакіе громкіе крики, ни самыя пламенныя рѣчи, ни самые больные вопросы народной жизни не могутъ сломить эту преграду.

Были минуты глубокаго отчаянія и горькаго разочарованія. У нѣкоторыхъ уже слабѣли силы.

— Для чего мы здѣсь? Что можемъ мы сдѣлать? тоскливо вопрошали они.

И въ этой тоскѣ яснѣе и яснѣе, со всей своей естественной необходимостью вырисовывался передъ Трудовой Группой иной путь работы: организація силъ страны для поддержки заявленныхъ въ Думѣ народныхъ требованій.

— Слабые сами, полагали депутаты, мы можемъ быть сильны поддержкой народа: а поддержка народа можетъ быть мощной только при условіи, если народъ организованъ.

Трудовая Группа говорила съ Думской кафедры, обращаясь къ странѣ. Въ различныхъ формахъ создались теченія отъ страны къ Думѣ; среди этихъ формъ опредѣлялась особая, и уже раздавались отдѣльные голоса, направленные къ депутатамъ:

Стойте крѣпко! Боритесь за землю и волю: мы васъ поддержимъ.

Эти голоса раздавались въ странѣ во время думской работы. Но еще до созыва Думы, послѣ избранія членовъ Думы и при ихъ проводахъ, народъ чутьемъ понималъ, что онъ высылаетъ свою передовую рать для „борьбы“. Народъ провожалъ своихъ депутатовъ: колыхалось море обнаженныхъ головъ; протягивались тысячи рукъ, и одними устами говорилось:

— „Боритесь до послѣднихъ силъ... Безъ воли и земли не возвращайтесь... Лучше ужъ умереть вамъ тамъ“. Трудовая Группа ясно понимала, что только народъ можетъ оказать Думѣ поддержку. Этотъ пунктъ рѣшительно былъ подчеркнутъ Трудовой Группой, какъ въ преніяхъ объ обращеніи къ народу по поводу аграрныхъ предположеній правительства, такъ и въ резолюціи группы, рѣшившейся воздержаться отъ голосованія.

„Принимая во вниманіе—говорилось въ резолюціи—основныя воззрѣнія членовъ Трудовой Группы, что Государственная Дума сильна лишь могучей поддержкой народа; что призыва населенія къ мирному и спокойному ожиданію окончанія своихъ работъ Гос. Дума не можетъ взять на себя въ настоящее время, въ виду

все еще продолжающагося безнаказаннаго произвола и насилія со стороны властей; что напротивъ того въ настоящее время рѣшительно враждебнаго выступленія правительства противъ Думы, Дума должна сосредоточить вокругъ себя сочувствіе всего населенія и особенно подчеркнуть свою надежду на помощь и поддержку организованнаго народа, члены Трудовой Группы воздерживаются отъ голосованія по настоящему обращенію къ народу отъ Гос. Думы, такъ какъ въ основу его положены начала, несогласныя съ ея основными политическими воззрѣніями".

Установивъ такимъ образомъ свою позицію, Трудовая Группа должна была опредѣлить, что такое эта организація силъ народа для поддержки требованій Думы, и какъ осуществить эту организацію.

Въ общемъ своемъ видѣ это было стремленіе пріобщить къ политической жизни самые широкіе слои населенія, т. е. установить органы мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ путемъ введенія всеобщаго избирательнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для выборовъ въ Государственную Думу провести тотъ же законъ. Для первой Думы Трудовая Группа полагала именно въ выработкѣ такого закона заключительный шагъ ея дѣятельности: на время отодвинувъ было его, Трудовая Группа въ послѣднія недѣли занята была спѣшной разработкой его; уже приготовила его и готовилась внести въ Думу, какъ послѣдняя была закрыта.

Съ другой стороны организація силъ народа въ томъ же смыслѣ могла быть осуществима въ рядѣ другихъ формъ, по разнымъ частичнымъ случаямъ. Трудовая Группа всѣ такіе единичные случаи для установленія тѣснаго и живѣйшаго общенія страны съ Думой стремилась использовать. Одинъ изъ такихъ частныхъ случаевъ представился въ вопросѣ о продовольственной помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Для Трудовой Группы сущность вопроса сводилась не къ тому, сколько слѣдуетъ ассигновать денегъ (понятно, сколько требовала нужда) и не къ тому, откуда взять ихъ (слѣдовало только поискать въ смѣтѣ), а къ тому въ чьи руки отдать ихъ.

Ораторы группы рѣшительно высказывались противъ

передачи денегъ мин. вн. дѣлъ. Рѣзкую, бурную—и увы, пророческую—рѣчь произнесъ Аладьинъ. Депутатъ Галецкій предлагалъ Думѣ рѣшительно заявить: „Дума заранѣе заявляетъ, что ни копейки не ассигнуетъ въ распоряженіе министерства, лишеннаго довѣрія страны“. Группа настаивала, чтобы необходимыя средства были переданы въ руки Думской комиссіи и ею распредѣлены между тѣми лицами и мѣстными организаціями, которыхъ она привлечетъ къ этой работѣ. Тотъ же депутатъ - трудовикъ Галецкій вносилъ предложеніе: „Дума поручаетъ продовольственной комиссіи организовать удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды голодающаго населенія путемъ мѣстныхъ, въ средѣ голодающаго населенія созданныхъ учрежденій, непосредственную организацію коихъ поручить командированнымъ на мѣста членамъ Думы“.

Не по винѣ группы продовольственное дѣло было предоставлено м. вн. д.: результаты кормленія хорошо извѣстны. *) Болѣе общій случай организаціи народныхъ силъ выдвинулъ земельный вопросъ.

Уже въ платформѣ Трудовой Группы, изданной еще до внесенія въ Думу аграрнаго законопроекта 104, значилось, что для предварительной разработки и проведенія въ жизнь аграрной реформы, на мѣстахъ должны быть учреждены земельные комитеты. Послѣ внесенія въ Думу различныхъ аграрныхъ законопроектовъ вопросъ этотъ рѣзко осложнился общей программой министерства и рѣчами г.г. Стишинскаго и Гурко.

Непримиримая оппозиція министерства въ аграрномъ вопросѣ съ каждымъ днемъ сильнѣе убѣждала Трудовую группу въ томъ, что начатыя столкновенія не замедлятъ привести Думу къ окончательному разрыву съ нимъ.

Послѣ выступленія Гурко со Стишинскимъ стала исчезать послѣдняя надежда на возможность разрѣшенія аграрнаго вопроса мирнымъ путемъ. Обсужденіе его велось еще, правда, въ томъ же порядкѣ, но уже не въ надеждѣ выработать аграрный законъ, а съ единственной цѣлью завоевать симпатіи страны, сплотить ее вокругъ

*) Дѣло Гурко-Лидваль.

думы и повести въ нужный моментъ на защиту попираемыхъ народныхъ правъ. Но для этого, разумѣется, недостаточно было тѣхъ общихъ сужденій, которыя въ продолженіе трехъ недѣль раздавались съ думской трибуны: нужно было наглядно показать, что Дума не только умѣетъ говорить о жалкомъ положеніи крестьянина, о его ужасающемъ безземельи, но немедленно же приступаетъ и къ практической сторонѣ дѣла. Землеустроительные комитеты въ данномъ случаѣ являлись единственной мѣрой, которая всего скорѣе и прочнѣе могла бы закрѣпить связь населенія съ Думой и спаять крестьянство въ ту грозную силу, съ которой нельзя бы было не считаться правительству, если бы оно рѣшилось отдѣлаться отъ Думы; разгонъ ея не былъ бы такимъ легкимъ, какъ это оказалось впослѣдствіи.

Изъ создавшагося антагонизма между Думой и министерствомъ возможны были только два выхода: или оно должно было пойти на уступки, или же распустить Думу.

Нельзя же было предположить, чтобы оно спокойно стало смотрѣть, какъ подъ вліяніемъ рѣчей депутатовъ быстро растетъ самосознаніе народа и поднимается революціонная волна. Такое положеніе долго не могло продолжаться.

А что министерство не склонно было пойти на уступки, объ этомъ краснорѣчиво говорилъ каждый его шагъ. Всего естественнѣе оставалось, слѣдовательно, ждать близкаго разгона думы. Атмосфера сгущалась съ каждымъ днемъ. Чтобы упрочить позицію, Трудовая Группа поспѣшила вступить на путь, который наиболѣе бы обезпечивалъ Думѣ успѣхъ въ неизбѣжной борьбѣ съ правительствомъ,—она внесла предложеніе о немедленномъ учрежденіи земельныхъ комитетовъ.

Важное и для будущаго предложеніе это чрезвычайно полно и опредѣленно обрисовываетъ тактику группы.

Настаивая на необходимости его принятія Думой, депутатъ Аладьинъ въ ряду другихъ аргументовъ приводилъ и такія соображенія:

„Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что предъ нами противникъ серьезный и сильный, который пока

еще не уступилъ и, какъ показываетъ заявленіе министерства, гдѣ оно говоритъ прямо, что не дастъ земли крестьянамъ, этотъ противникъ далеко еще не врагъ, котораго можно было бы презирать, а противникъ, съ которымъ приходится считаться. Мы, какъ и другіе, глубоко убѣждены, что со временемъ, конечно, наша сторона останется побѣдительницей, но, какъ практическіе политики, мы прежде всего смотримъ не на будущее, а на настоящее, на то, что есть, на то, что въ данную минуту дѣлать нужно; а въ данную минуту пока еще не на нашей сторонѣ та физическая сила—моральная сила всегда была съ нами—которая заставляетъ подчиниться того, кто побитъ морально,—необходимо сгруппировать эти силы, вызвать ихъ изъ хаоса, въ которомъ онѣ теперь находятся, сорганизовать ихъ, сдѣлать ихъ способными защищать свои жизненные интересы...

Если вы вдумаетесь серьезно, возможенъ ли разгонъ Думы, то вы поймете, что руководитъ нами, когда мы хотимъ начать немедленную работу на мѣстахъ по организаціи мѣстныхъ комитетовъ".

Ея предложеніе было сдано въ Думскую комиссію по аграрному вопросу въ качествѣ матеріала. Своего осуществленія оно не получило, какъ и многое другое. Но во всякомъ случаѣ благодаря ему съ достаточной ясностью опредѣлились и общее направленіе работъ Трудовой Группы и нѣкоторыя отдѣльныя частности, всѣ проникнутыя одной общей мыслью: говорить странѣ, а не правительству; быть отвѣтственными передъ пославшимъ народомъ, и въ немъ черпать силу и поддержку для заявляемыхъ депутатами народныхъ требованій.

Роспускъ Думы.

Черезъ два дня послѣ принятія обращенія къ народу, по поводу ложнаго сообщенія министерства по аграрному вопросу, 9-го іюля, Дума была распущена. Двери Таврическаго дворца заперты и депутаты могли узнать о состоявшемся роспускѣ первой Думы лишь изъ газетъ. Это событіе, какъ громъ, неожиданно грянуло не только надъ страной, но и надъ головами депутатовъ. Роспуска ждали, но не предполагали, чтобы онъ не былъ объявленъ съ думской трибуны, какъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ. Ожидали его во всякомъ случаѣ не раньше понедѣльника.

Министерство пустилось на хитрость. До свѣдѣнія предсѣдателя Думы было доведено, что въ понедѣльникъ, 10 іюля, Столыпинъ будетъ давать объясненія о Бѣлостокскомъ погромѣ, а въ воскресенье распубликованъ указъ о роспускѣ Думы. Обойдены были всѣ обычаи, существующіе относительно роспусковъ парламентовъ. Разсчетъ министерства очевиденъ,—неожиданнымъ объявленіемъ указа о роспускѣ Думы оно желало внести замѣшательство въ ряды депутатовъ, и разсчетъ былъ правильный. Депутаты, дѣйствительно, растерялись. Торопливо направлялись они къ Таврическому дворцу, но, постоявши передъ его запертыми дверями, старались поскорѣе найти своихъ товарищей. Спѣшатъ къ клубамъ своихъ партій.

Здѣсь они находятъ группу товарищей, раньше ихъ узнавшихъ о роспускѣ, но такихъ же взволнованныхъ и растерянныхъ, какъ и они сами.

Что рѣшили предпринять? Гдѣ соберется Дума? слышится со всѣхъ сторонъ. Но никто этого пока еще не знаетъ. Всѣ, однако, увѣрены, что должно произойти,

что то весьма важное; что Россія наканунѣ крупныхъ политическихъ событій. Комитеты трудовой группы и партіи народной свободы ведутъ переговоры. Нервно ждутъ, какое рѣшеніе вынесутъ они. Изъ всѣхъ рѣчей ясно проглядываетъ желаніе во что бы то ни стало поскорѣе собраться и совмѣстно обсудить положеніе.

Трудовики сходятся на необходимости отвѣтить на незаконный актъ о роспускѣ Думы воззваніемъ къ народу съ призывомъ вступиться за поруганную честь и права народнаго представительства, объявить, что Дума не подчиняется этому распоряженію правительства и не можетъ подчиниться, потому что повинуется только голосу народа, отъ котораго она получила свои полномочія, а не произволу правительства, враждебнаго интересамъ страны.

Комитетъ партіи народной свободы раньше другихъ узналъ о роспускѣ. Первымъ его рѣшеніемъ было тоже обращеніе къ странѣ. Нужно только было сговориться съ другими группами.

Рано утромъ посылаютъ они своего представителя въ Трудовую группу, чтобы начать эти переговоры. Но комитетъ послѣдней не успѣлъ еще собраться, пришелъ только одинъ изъ его членовъ.

Онъ и началъ переговоры.

Комитетъ партіи народной свободы сообщилъ, что ихъ партія рѣшила обратиться къ странѣ съ воззваніемъ и спросилъ, что намѣрена предпринять Трудовая группа?

Въ комитетѣ уже имѣлся заготовленнымъ и самый текстъ воззванія. Наиболѣе существеннымъ въ немъ были послѣдніе три пункта, призывающіе населеніе къ неплатежу податей, къ отказу поставлять рекрутовъ, и непризнаніе займовъ, если правительство заключитъ ихъ послѣ роспуска Думы.

Ознакомившись съ нимъ, представитель трудовой группы заявилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ директивъ отъ товарищей, и поэтому не можетъ говорить какъ отъ имени всей группы, такъ и отъ имени комитета. О бывшихъ разговорахъ онъ доведетъ до свѣдѣнія группы и тогда она дастъ отвѣтъ. Совмѣстное засѣданіе во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, должно состояться, такъ

что необходимо теперь же позаботиться пріисканіемъ для него подходящаго помѣщенія.

Содержаніе предполагаемаго партіей народной свободы воззванія не удовлетворило трудовиковъ. Но чтобы договориться до чего-нибудь опредѣленнаго, необходимо было скорѣе же устроить совмѣстное собраніе. Соціалъ-демократы тоже настаивали на этомъ.

Въ комитетъ партіи народной свободы отправлено было новое лицо съ извѣщеніемъ, что трудовая группа и соціалъ-демократы согласны на общее собраніе, необходимо только спѣшить съ нимъ.

Хлопоты по пріисканію помѣщенія взялъ на себя комитетъ партіи народной свободы. О поѣздкѣ куда-нибудь вродѣ Выборга не было и рѣчи. Собраніе предполагалось непремѣнно въ Петербургѣ. Съ нетерпѣніемъ ждали только момента, когда назначено будетъ для него мѣсто.

Комитетъ трудовой группы осаждаютъ вопросами, когда же, наконецъ, онъ закончитъ эти несложные переговоры?

Дальнѣйшее пребываніе въ клубѣ на Невскомъ внушаетъ опасенія за возможность преждевременнаго ареста; да это и понятно: о намѣреніяхъ Столыпина носятся всевозможные слухи. Въ цѣляхъ предосторожности рѣшено оставить клубъ и разбиться небольшими группами по частнымъ квартирамъ.

Комитетъ при этомъ помѣщается въ наиболѣе безопасное помѣщеніе. Между нимъ и группами устанавливается постоянное сообщеніе.

Однако кадетскій комитетъ почему-то медлилъ выборомъ мѣста для собранія. Въ томительныхъ ожиданіяхъ проходитъ часа полтора. Трудовики, наконецъ, отправляютъ туда новую депутацію со строгимъ наказомъ принести окончательный отвѣтъ. Ко времени ея появленія тамъ уже состоялось рѣшеніе, но такое, о возможности котораго раньше не упоминалось ни ползвукомъ, — рѣшено было поѣхать въ Выборгъ. Вѣсть эта явилась полной неожиданностью. Теперь вполнѣ ясно стало, почему такъ много времени понадобилось комитету к.-д. на размышленіе. Всѣ члены его были страшно возбуждены. Представители трудовой группы спѣ-

шать задать вопросъ, какая же цѣль этой поѣздки? Имъ отвѣчаютъ, что ближайшей цѣлью является составленіе обращенія къ народу; тамъ же будетъ намѣченъ и дальнѣйшій планъ дѣйствій Думы; объ немъ пока еще рано говорить въ деталяхъ, но, надо полагать, что дѣло, во всякомъ случаѣ не ограничится однимъ только воззваніемъ. Очень можетъ быть, что Дума объявитъ себя потомъ и временнымъ правительствомъ, слышатся отдѣльные голоса.

— Почему же не собраться здѣсь въ Петербургѣ?— спрашиваютъ трудовики.

— Но, вѣдь, здѣсь насъ могутъ арестовать каждую минуту—отвѣчаетъ имъ комитетъ партіи народной свободы, да и гдѣ возьмемъ мы помѣщеніе?

— Что касается ареста, то едва ли мы сумѣемъ избѣжать его, если правительство, дѣйствительно, намѣрено это сдѣлать; своей поѣздкой мы только облегчаемъ ему дѣло. Легче будетъ переловить насъ по одиночкѣ, прежде, чѣмъ мы успѣемъ добраться до Финляндіи. Помѣщеніемъ же для собранія можетъ служить любой изъ нашихъ клубовъ, они пока еще не закрыты. А если правительство успѣетъ занять ихъ раньше насъ, то мы можемъ захватнымъ правомъ занять хотя бы публичную библіотеку.

Одна изъ революціонныхъ партій предложила трудовой группѣ въ случаѣ нужды воспользоваться казармами одного изъ преданныхъ полковъ. Этотъ исходъ былъ также доложенъ, но на него посмотрѣли лишь, какъ на измышленіе горячихъ головъ. Комитетъ к.-д. настаиваетъ на поѣздкѣ въ Выборгъ. По мнѣнію же трудовиковъ она является самой грубой ошибкой, какую только могла бы допустить Дума.

— „На кого она можетъ опереться теперь?—говорили они.—Да только, конечно на поддержку народа, а эта поддержка можетъ проявиться лишь въ томъ случаѣ, если Дума будетъ непосредственно соприкасаться съ народомъ. Какъ мы теперь выяснимъ цѣль нашей поѣздки? Всего вѣрнѣе, что она будетъ истолкована, какъ простое бѣгство народныхъ представителей. Внѣ всякихъ сомнѣній, какъ въ Петербургѣ, такъ, въ особенности, въ глубинѣ Россіи, она произведетъ удручающее

впечатлѣніе. Неизбѣжно будетъ сдѣланъ тотъ выводъ, что храбрая на словахъ Дума въ критическій моментъ струсила и уѣхала за границу, гдѣ всего меньше угрожаетъ ей опасность преслѣдованія. Что долженъ дѣлать народъ, когда получитъ такія вѣсти о поведеніи своихъ избранниковъ?

Если партія народной свободы, дѣйствительно, готова вступить на этотъ рѣшительный путь, то все это должно быть сдѣлано непремѣнно въ Петербургѣ, непремѣнно передъ лицомъ народа, отъ большей или меньшей рѣшимости котораго вступить въ открытый бой съ незнающимъ удержу произволомъ всесильной бюрократіи только и можетъ зависѣть тотъ или иной исходъ борьбы. Въ данномъ случаѣ намъ очень важно не упустить моментъ.

Дума до сихъ поръ являлась той моральной силой, вокругъ которой группировался народъ, и вдругъ этотъ центръ куда-то скрывается.

Попытка ареста, а можетъ быть и разстрѣла Думы, конечно, должна быть, но это не должно нисколько смущать насъ: Данный моментъ является самымъ подходящимъ для этого столкновенія. Ясно, что въ концѣ-концовъ дѣло будутъ рѣшать войска, но группа имѣетъ сильное основаніе полагать, что настроеніе ихъ благопріятное. Мы должны использовать его.

Если даже предположить, что Дума будетъ, дѣйствительно, такъ легко арестована, или разстрѣляна, какъ предполагаете вы, то и въ такомъ случаѣ мы все-таки не должны уѣзжать. Какое колоссальное впечатлѣніе должно это произвести въ странѣ? Развѣ мы не вправѣ разсчитывать, что дѣло не ограничилось бы тогда однимъ только арестомъ? Страна обѣщала намъ свою поддержку, и мы обязаны до конца выполнить нашу задачу въ томъ видѣ, какъ понимали ее при выборахъ: или добыть землю и волю, или умереть."

Комитетъ партіи народной свободы продолжаетъ настаивать на томъ, что, прежде чѣмъ предпринять какіе-либо рѣшительные шаги, Дума должна обратиться къ странѣ съ воззваніемъ, она должна сказать народу, что роспускъ ея является незаконнымъ дѣйствіемъ правительства.

— „Если не удастся уцѣлѣть намъ, то народъ будетъ знать все-таки, какое было къ нему наше послѣднее слово. Да, наконецъ, у насъ уже сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду, партія извѣщена объ этомъ, и нѣкоторые члены ея уже уѣхали. Теперь во всякомъ случаѣ для насъ уже поздно мѣнять рѣшеніе.

Трудовики и соціалдемократы должны присоединиться, чтобы не дробить силъ въ такой исключительный по важности моментъ. Къ тому же и поѣздка не будетъ такъ продолжительна, чтобы могло быть опущено время для засѣданія Думы въ Петербургѣ, — черезъ сутки мы опять можемъ быть здѣсь.“

Положеніе было крайне затруднительное. Для трудовиковъ представлялось два выхода изъ него: или отдѣлиться отъ кадетовъ и дѣйствовать въ Петербургѣ съ соціалдемократами или же присоединиться къ нимъ и ѣхать въ Выборгъ.

Оно осложнялось еще тѣмъ, что многіе изъ трудовиковъ, увлеченные организаціонной работой на мѣстахъ, были въ отъѣздѣ

Если бъ партія народной свободы вполнѣ открыто заявила, какое воззваніе намѣрена она выпустить въ Выборгѣ, то, внѣ сомнѣній, лѣвое крыло Думы не присоединилось бы къ ней, но отъ поведенія ея комитета создавалось такое впечатлѣніе, что партія совершенно не намѣрена слагать съ себя полномочій народныхъ представителей; а то важное значеніе, которое придавалось воззванію, ради котораго исключительно и предпринималась поѣздка, не оставляло сомнѣній въ томъ, что оно будетъ тѣмъ первымъ шагомъ, за которымъ неизбѣжно должны разыграться крупныя политическія событія.

Не хочется вѣрить, чтобы комитетъ сознательно велъ эту двойственную игру. Но вся тяжесть отвѣтственности за этотъ ошибочный шагъ поѣздки въ Выборгъ лежитъ всецѣло на немъ. Онъ обязанъ былъ довести о своемъ рѣшеніи до свѣдѣнія другихъ комитетовъ, и совмѣстно обсудить его прежде, чѣмъ дѣлать какія либо распоряженія по своей партіи. Трудовики въ концѣ концовъ принуждены были согласиться на эту поѣздку въ Выборгъ. „Хорошо, мы ѣдемъ, но знайте, что этимъ

мы губимъ дѣло освобожденія народа",—это были заключительныя слова одного ихъ представителя.

Поѣздка въ Выборгъ, такимъ образомъ, была рѣшена. Во избѣжаніе ареста рекомендовалось отправляться съ разными поѣздами. Часамъ къ пяти въ Выборгѣ успѣло собраться около 170 депутатовъ. Собраніе было назначено въ отелѣ „Бельведеръ".

Каждая изъ фракцій устраиваетъ предварительное совѣщаніе, а тѣмъ временемъ особо избранная распорядительная комиссія выясняетъ условія, при которыхъ должно происходить общее собраніе. Представители партіи народной свободы настаиваютъ на допущеніи членовъ изъ центральнаго комитета не депутатовъ съ правомъ голоса, но соціалъ-демократы и трудовики отвергаютъ это предложеніе на томъ основаніи, что собраніе является прямымъ продолженіемъ думскихъ засѣданій, гдѣ право голоса принадлежало только однимъ депутатамъ. Присутствіе постороннихъ лицъ и представителей печати было признано недопустимымъ; предосторожность вполнѣ понятная по тому времени: всѣ ожидали весьма важныхъ рѣшеній, и боялись огласить ихъ раньше, чѣмъ депутаты успѣли бы снова вернуться въ Петербургъ. Въ собраніи трудовиковъ комитетъ внесъ на обсужденіе проектъ обращенія, выработанный имъ еще до роспуска думы, но когда онъ казался уже неизбѣжнымъ.

По нѣкоторымъ соображеніямъ я не могу привести его подлиннаго текста; приходится ограничиться лишь приблизительной передачей содержавшихся въ немъ пунктовъ.

1. Отнынѣ дѣло народа находится въ рукахъ самого народа. Государственная же Дума будетъ сохранять свои полномочія впредь до созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

2. На министерство, распустившее думу, народъ вправѣ смотрѣть, какъ на незаконное министерство;

3. Вправѣ онъ усвоить такой взглядъ и на поставленныя этимъ министерствомъ власти;

4. Войска арміи и флота должны стать на сторону народа.

Дальше идутъ пункты о неплатежѣ податей и непоставкѣ рекрутовъ.

Всѣ пункты были одобрены собраніемъ. и приняты. Въ восемь часовъ вечера открывается совмѣстное засѣданіе.

Въ составъ президіума выбираются прежнія лица. Выборъ ихъ привѣтствуется такими же дружными аплодисментами, какъ это когда то было въ Таврическомъ дворцѣ. Въ залѣ единодушіе и оживленіе.

Предсѣдатель открываетъ собраніе и приглашаетъ ораторовъ, желающихъ высказаться, взять слово.

Происходитъ нѣкоторая пауза; ни одна изъ фракцій не рѣшается заговорить первой.

Выступаетъ представитель трудовой группы, который на обсужденіе всѣхъ собравшихся и предложилъ проектъ обращенія къ народу, выработанный группой. Проектъ былъ встрѣченъ довольно сочувственно.

Потомъ беретъ слово представитель партіи народной свободы. Онъ указываетъ, что настроенію собранія и ихъ партіи въ общемъ отвѣчаетъ прочитанный проектъ, но у нихъ тоже заготовленъ свой набросокъ проекта, который отъ имени партіи онъ и предлагаетъ вниманію собранія.

Воззваніе крайне умѣренное и осторожное. Указавъ въ деликатныхъ выраженіяхъ на роспускъ думы, оно дальше заключаетъ тѣ три пункта, о которыхъ уже говорилось раньше. Какъ по формѣ такъ и по содержанію оно было прямой противуположностью тому, что предложили трудовики. Начались пренія. Единодушіе было только на первыхъ порахъ, пока обсуждался вопросъ вообще о желательности обращенія, но какъ только перешли къ обсужденію его содержанія, голоса рѣзко начали раздѣляться. Пренія крайне затянулись и не подавали никакой надежды на то, чтобы скоро можно было сговориться на пунктахъ, которые должны составить содержаніе обращенія.

Чтобы сократить разговоры, поздней ночью рѣшено было выбрать комиссію, которой и поручили къ утру слѣдующаго дня выработать одинъ проектъ обращенія.

День былъ потерянъ; на возвращеніе въ Петербургъ въ понедѣльникъ надежда исчезла.

Комиссія проработала до утра. Форма соглашенія проектовъ воззваній была установлена, но эта равнодѣйствующая прошла такъ близко къ проекту партіи народной свободы, что отъ проекта трудовиковъ не осталось почти ничего. Въ общихъ чертахъ это было то же, что появившееся потомъ „Выборгское воззваніе".

На открывшемся утромъ во вторникъ второмъ засѣданіи полемика приняла еще болѣе напряженный характеръ. Изъ Петербурга получались вѣсти, что тамъ все спокойно, и это въ значительной степени умѣрило первоначальную рѣшимость партіи народной свободы. Среди ея членовъ ясно обнаружился расколъ. Правое крыло настаиваетъ уже на томъ, чтобы совершенно исключить вторую часть воззванія, и ограничиться лишь первой, т. е. довести только до свѣдѣнія населенія, что Дума распущена въ тотъ моментъ, когда она наиболѣе была занята аграрнымъ законопроектомъ. Становилось очевиднымъ, что они уклоняются отъ всякой активной борьбы и готовы примириться съ фактомъ роспуска Думы. Трудовики же и соціалъ-демократы энергично настаиваютъ на необходимости включенія въ воззваніе заявленія о томъ, что Дума сохраняетъ свои полномочія, что народъ вправѣ теперь не подчиняться распоряженіямъ властей, и призвать армію и флотъ защищать общенародное дѣло.

Засѣданіе приняло обычный думскій характеръ. Спорили безконечно много. Ни которая изъ сторонъ не хотѣла уступать, а разногласія были настолько велики, что терялась всякая надежда на скорое соглашеніе. Правое теченіе партіи народной свободы было такъ настойчиво, что, усиливаясь вырвать и тѣ ничтожныя уступки, которыя были допущены въ комиссіи, грозило полнымъ проваломъ дѣла. Отрезвляющимъ образомъ подѣйствовало на него лишь заявленіе губернатора, что Выборгъ будетъ объявленъ на военномъ положеніи, если депутаты не закроютъ собранія. Обсужденіе воззванія далеко еще не было доведено до конца, когда получилось это сообщеніе. Предсѣдатель снимаетъ съ себя полномочія. Раздались было голоса о необходи-

мости поѣхать куда нибудь вглубь Финляндіи или въ Гельсингфорсъ, чтобы тамъ докончить засѣданіе. Трудовики и соціалъ-демократы протестуютъ противъ этого предложенія, и чтобы склонить собраніе къ какому нибудь опредѣленному рѣшенію, заявляютъ, что они не настаиваютъ на включеніи своихъ пунктовъ, и будутъ голосовать за текстъ воззванія, выработанный комиссіей. Это заявленіе придало энергіи лѣвому теченію партіи народной свободы. Одинъ изъ ея лидеровъ обращается къ товарищамъ съ горячимъ убѣжденіемъ принять вторую часть воззванія безъ обсужденія. Правое крыло ослабѣло и воззваніе было принято.

Содержаніе его далеко не удовлетворяло трудовиковъ. Предложенные въ немъ способы протеста могли имѣть какое нибудь значеніе развѣ только для болѣе или менѣе отдаленнаго времени, а не для данчаго момента, на который всего болѣе разсчитывали трудовики. Но они все еще не теряли надежды на возможность общаго собранія думы въ Петербургѣ и поэтому спѣшили вернуться туда, полагая, что сами событія заставятъ свернуть кадетовъ съ ихъ умѣреннаго пути.

Расколъ же въ данномъ случаѣ послужилъ-бы лишь поводомъ къ окончательному разрыву.

Передъ закрытіемъ собранія вынесено было постановленіе никому изъ депутатовъ не разъѣзжаться по провинціи.

Дальше необходимо было сговориться о возвращеніи въ Петербургъ. Вопросъ этотъ обсуждался вечеромъ въ понедѣльникъ въ соединенномъ засѣданіи всѣхъ трехъ комитетовъ съ участіемъ представителей крайнихъ лѣвыхъ партій.

Комитетъ трудовой группы доказывалъ необходимость вернуться въ Петербургъ на слѣдующій же день и объявить тамъ непрерывающееся засѣданіе Государственной Думы.

— „Поѣздка въ Выборгъ", говорили его члены, „является ошибочнымъ шагомъ съ нашей стороны, но мы имѣемъ еще время исправить его. Правительство разгоняетъ насъ, но въ сознаніи народа мы пока попрежнему являемся его представителями. Мы должны какъ можно скорѣе заявить, что не слагаемъ съ

себя депутатскихъ полномочій, чтобы не дать остыть чувству народнаго негодованія. Спокойствіе страны не должно смущать насъ. Она окажетъ намъ поддержку, если только мы сами будемъ болѣе рѣшительными".

Представители крайнихъ партій указывали, что при такомъ образѣ дѣйствій есть полныя основанія разсчитывать какъ на поддержку пролетаріата, такъ и другихъ массъ Петербурга.

— Трудно, конечно, теперь же разсчитать, говорили они, насколько достаточно будетъ нашихъ силъ, чтобы обезпечить успѣхъ, но если бы даже допустить, что дума будетъ раздавлена, то и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ поѣхать: въ сознаніи народа останутся тогда живые образы погибшихъ борцовъ за его дѣло, которые будутъ вѣрнымъ залогомъ того, что онъ самъ доведетъ до конца начатое вами дѣло.

Настроеніе комитета партіи народной свободы было крайне разнорѣчивое. Наиболѣе смѣлые его представители присоединялись къ этой мысли, осторожные же руководители партіи предлагали лучше еще на нѣкоторое время остаться въ Выборгѣ или переѣхать въ Гельсинфорсъ, пока не опредѣлятся событія въ Россіи. Сбитые съ этой позиціи, они спрашивали: „А чѣмъ же будетъ заниматься Государственная Дума по пріѣздѣ въ Петербургъ"?

Эти вопросы тутъ же и были намѣчены.

1. Обратиться къ парламентамъ съ указаніемъ на неконституціонность роспуска,—указъ о немъ не былъ распубликованъ въ вѣдомостяхъ сената и не былъ скрѣпленъ подписью предсѣдателя совѣта министровъ.

2. Выработать законъ объ избирательномъ правѣ.

3. Обратиться къ армія и флоту съ призывомъ защищать интересы народа.

Въ концѣ концовъ рѣшено было поѣхать на слѣдующій же день. Комитетъ партіи народной свободы нашелъ только нужнымъ заявить, что вопросы эти онъ долженъ будетъ доложить своему фракціонному собранію, поэтому отъѣздъ долженъ состояться не слишкомъ рано утромъ, чтобы имѣть время обсудить ихъ. Дорогой же комитеты сговорятся о часѣ и мѣсяцѣ собранія.

Не совсѣмъ гладкое вначалѣ засѣданіе комитетовъ къ концу носило уже довольно миролюбивый характеръ. Казалось, что всѣ стороны болѣе или менѣе удовлетворены.

Итакъ, обратная поѣздка рѣшена. Всѣмъ сразу стало легче. Дума, значитъ, не совсѣмъ еще погребена. Остатокъ вечера понедѣльника и утро слѣдующаго дня Трудовая группа посвятила на обсужденіе того, какія мѣры еще не поздно предпринять для того, чтобы сильнѣе укрѣпить положеніе Думы. Намѣченные для засѣданія вопросы ее не слишкомъ интересовали: они важны были не сами по себѣ, а какъ предлогъ для засѣданія въ Петербургѣ; само собою разумѣется, что если бъ засѣданіе состоялось, и правительству не удалось бы справиться съ нимъ, то программа быстро измѣнилась бы въ зависимости отъ хода событій.

Все зависѣло отъ поведенія войскъ и народа. Къ арміи и флоту рѣшено было поэтому обратиться съ особымъ воззваніемъ въ первую же очередь. Тутъ же совмѣстно съ соціалдемократами выработана была и его редакція.

Въ Петербургъ депутаты возвращаются всѣ въ одномъ поѣздѣ. Въ Выборгѣ на вокзалѣ масса публики. Съ жадностью ловятъ слухи о Петербургѣ. Передаютъ, что тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ была уже стрѣльба, и что финляндскій вокзалъ окруженъ войсками съ цѣлью арестовать депутатовъ. Настроеніе опять повышается. Непріятное впечатлѣніе отъ двухъ дней, проведенныхъ въ Выборгѣ, сглаживается. Поѣздъ трогается, украшенный красными флагами.

Слѣдуя постановленію соединеннаго засѣданія комитетовъ, трудовики и соціалдемократы отправляютъ въ комитетъ партіи народной свободы представителей, чтобы окончательно условиться о мѣстѣ собранія. Но партія оказывается не успѣла еще обсудить намѣченныхъ для засѣданія вопросовъ и поэтому не можетъ дать своего согласія на участіе въ собраніи въ этотъ же день. Это было началомъ новаго обходнаго движенія. Раньше вечера отвѣтъ не можетъ быть данъ. Половины дня, нарочнаго проведеннаго для этого въ Выборгѣ, ей, оказывается, не хватило.

Въ виду же настойчивыхъ слуховъ о готовящемся арестѣ каждая изъ лѣвыхъ группъ рѣшила выбрать по комитету, которые, оставаясь пока въ Финляндіи, должны были продолжать дѣло своихъ группъ въ случаѣ, если бы онѣ были арестованы; комитетамъ даны были неограниченные права.

Опасенія, однако, были преувеличеными.

Никто изъ депутатовъ арестованъ не былъ.

Вечеромъ отъ трудовиковъ опять отправляются въ кадетскій комитетъ делегаты. Отвѣтъ получился старый: ихъ фракція все еще не успѣла обсудить вопросовъ, но на слѣдующій день они непремѣнно дадутъ окончательный отвѣтъ. Къ удивленію только на слѣдующій то день пришлось узнать, что вся партія народной свободы раннимъ утромъ уѣхала въ Терріоки. Никакого отвѣта не получалось,—а таинственныя поѣздки въ Терріоки продолжались. Ясно было, что цѣлью ихъ было что то другое, а не выработанные въ Выборгѣ вопросы для думскаго засѣданія въ Петербургѣ.

Положеніе было безвозвратно проиграно. Съ каждымъ потеряннымъ днемъ это становилось все очевиднѣе.

Общество уже рѣшило, что Дума не возродится, а при такомъ положеніи, что могли сдѣлать оставшіяся солидарными двѣ малочисленныя группы трудовиковъ и соціалдемократовъ?

Единственная надежда оставалась еще на возможность стихійнаго подъема страны и на движеніе въ войскахъ.

Кадеты, наконецъ, покончили со своими партійными засѣданіями и пригласили двѣ другія группы на 14 іюля въ соединенное засѣданіе, только уже не въ Петербургѣ, а въ тѣхъ же Терріокахъ. Собраніе это было послѣдней лебединой пѣсней „перваго парламента". Открылось оно рѣчью одного изъ руководителей партіи народной свободы, который заявилъ, что ихъ партія долго обсуждала положеніе, и пришла къ тому заключенію, что теперь пока Дума не можетъ продолжать засѣданій въ Петербургѣ.

Страна спокойна, и пока это спокойствіе будетъ продолжаться, они не могутъ вступить на революціонный путь.

— „Вы хотите открыть засѣданія Думы, говоритъ потомъ другой ихъ представитель, обращаясь въ сторону лѣвыхъ. Что вы этимъ достигнете? Если итти затѣмъ только, чтобы сѣсть въ тюрьму, то это смѣшно. Нужно сдѣлать что-нибудь другое, болѣе важное, а для этого мы безсильны.

Препятствія встрѣчаются, какъ съ чисто формальной стороны, такъ и съ принципіальной.

Многіе депутаты уже разъѣхались, нѣтъ законнаго состава Думы, уѣхалъ и предсѣдатель Муромцевъ.

Но Дума и не можетъ идти во главѣ революціи.

Ея задача другая: стать верховнымъ органомъ тогда, когда въ странѣ поднимется уже революція. Сама страна должна вызвать ее на этотъ путь. Если же, вопреки этимъ соображеніямъ, Дума все-таки выступитъ въ авангардѣ, то тѣмъ самымъ только погубитъ себя преждевременно, и въ тотъ моментъ, когда народъ раскачается, когда нужна будетъ моральная сила, которая управляла бы всѣмъ движеніемъ, ея уже не будетъ. Отсюда наша партія пришла къ такому заключенію: сейчасъ мы должны сложить оружіе, притаиться и ждать девятаго вала. Когда же онъ поднимется, мы постараемся его использовать".

Это весьма любопытное признаніе для характеристики партіи народной свободы. Закрѣплять за собой позиціи, отбитыя другими, конечно, гораздо легче, чѣмъ самимъ завоевывать ихъ, а главное вполнѣ безопасно.

Крайніе же лѣвые депутаты доказывали, что по ихъ мнѣнію задача Думы при условіяхъ даннаго момента, какъ разъ, противоположная. Она именно должна пойти въ авангардѣ революціи, чтобы дать толчекъ народному движенію. Напрасны опасенія, что если не будетъ даннаго состава Думы, то не найдется уже и силы, которая могла бы замѣнить ее.

Но чѣмъ дальше шли эти разговоры, тѣмъ очевиднѣе становилось, что переубѣдить другъ друга партіи не въ силахъ. Пренія принимаютъ обостренный характеръ. Лѣвое крыло Думы начинаетъ упрекать партію народной свободы въ нечестности, въ томъ, что она не выполняетъ передъ страной данныхъ обѣщаній. Раздаются и изъ ея лагеря смѣлые голоса, но это лишь отдѣль-

ныя единицы, которымъ тутъ же и прочитывается надлежащая мораль. Тяжелое впечатлѣніе остается отъ этой полемики, полной взаимнаго недовѣрія и порой нескрываемой раздраженности.

Порвалась всякая связь и теперь ее уже трудно было возстановить. Трудовики дѣлаютъ въ этомъ направленіи послѣднюю попытку,—они предлагаютъ оставить отъ Думы особый органъ, которому и передать полностью ея права. Партія же народной свободы взамѣнъ этого настаиваетъ лишь на избраніи отъ каждой фракціи комитетовъ, не облекая ихъ никакими особыми полномочіями, которымъ и вмѣнить въ обязанность собрать всѣхъ членовъ своихъ партій, если ходъ событій выдвинетъ необходимость совмѣстнаго ихъ присутствія въ Петербургѣ. Это предложеніе въ свою очередь отвергается лѣвымъ крыломъ Думы,—трудовики уже раньше рѣшили оставить правомочный комитетъ.

Больше говорить было не о чемъ. Собраніе приняло настолько гнетущій характеръ, что каждый съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда онъ можетъ покинуть его.

Погребальнымъ звономъ вѣетъ отъ заключительной рѣчи представителя соціалдемократіи:

— „Хорошая была первая Государственная Дума, хорошее ея было начало, но нехорошій конецъ“..., такъ началъ онъ свою знаменитую рѣчь.

Неподдѣльная грусть слышится въ этихъ словахъ, болью отзываются они въ сердцахъ лѣвыхъ депутатовъ—дорогое дѣло похоронено. Молча расходятся они съ собранія, унося съ собой тяжелое сознаніе не до конца исполненнаго долга.

Трудовая группа потомъ собралась отдѣльно, и послѣ всесторонняго обсужденія положенія рѣшила оставить комитетъ, который, координируя свои дѣйствія съ представителями крайнихъ партій, и дѣйствовалъ бы отъ имени группы. Присутствіе же остальныхъ членовъ было признано болѣе желательнымъ на мѣстахъ, куда теперь съ надеждой устремлены были всѣ взоры.

Событія, сопровождавшія первые дни роспуска Думы, до сихъ поръ еще не освѣщены въ печати, между тѣмъ общество вправѣ не только знать, но и требовать отчета о поведеніи каждой изъ думскихъ фракцій. Что Дума оказалась трусливой въ послѣдній моментъ — въ этомъ врядъ ли кто будетъ сомнѣваться. Во второмъ засѣданіи Думы одинъ изъ лидеровъ партіи народной свободы говорилъ:

— „Настоящій моментъ—рѣдкій моментъ для власти въ въ исторіи Россіи; верховная власть счастлива: въ сущности исторія дается ей въ руки, какъ не разъ давалась, и нужно понять то мгновеніе, когда душа народа можетъ раскрыться въ одномъ порывѣ".

Власть не поняла значеніе этого момента, она оттолкнула народъ. Но поняла ли партія народной свободы значеніе другого момента?

Развѣ исторія также не давалась въ руки Думы, подобно тому, какъ она давалась, по мнѣнію цитированнаго лидера, въ руки верховной власти, а что сдѣлала руководящая партія для того, чтобы закрѣпить эту власть за народомъ? Она не только сама не пожелала рискнуть вырвать эту власть изъ одряхлѣвшихъ рукъ бюрократіи, но сознательно или безсознательно употребила всѣ усилія къ тому, чтобы и другимъ помѣшать это сдѣлать. Правда она можетъ сослаться на то, что рискъ все равно былъ бы безполезенъ, что страна слабо реагировала на роспускъ Думы. А что сдѣлала партія для того, чтобы привести въ движеніе страну? Развѣ до самаго послѣдняго момента она не увѣряла ее, что все обстоитъ благополучно, и что народъ долженъ мирно ожидать разрѣшенія его нуждъ законодательнымъ путемъ? Вѣдь это говорилось уже наканунѣ подписанія указа о роспускѣ Думы, когда для всѣхъ было очевидно, что Дума доживаетъ послѣдніе часы. Не замѣчала этого одна только партія народной свободы, гордящаяся своимъ многолѣтнимъ опытомъ въ политической жизни.

Но и послѣ всего этого несправедливо бы было упрекать народъ въ томъ, что онъ не готовъ былъ поддержать своихъ представителей.

Развѣ не поддержала Ставропольская губ. Ф. М. Онипко, который въ ея глазахъ былъ страдальцемъ за

общенародное дѣло? На это могутъ сказать, что Ставропольская губ. единственная, но вѣдь и Онипко былъ единственнымъ серьезно пострадавшимъ изъ членовъ Думы, пока еще народъ самъ не развѣнчалъ ихъ. Поднялась вся губернія, и вызванные одинъ за другимъ два отряда войскъ отказались усмирять ее.

Какой еще поддержки послѣ этого можно ждать отъ народа? Волненія въ войскахъ, послѣдовавшія уже послѣ того, какъ Дума и сама себя развѣнчала, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что почва и тамъ была весьма подготовлена. Нужно было только умѣть вызвать къ жизни эти скрытыя силы, а для этого нужна иная тактика, не та, которой слѣдовала партія народной свободы.

